

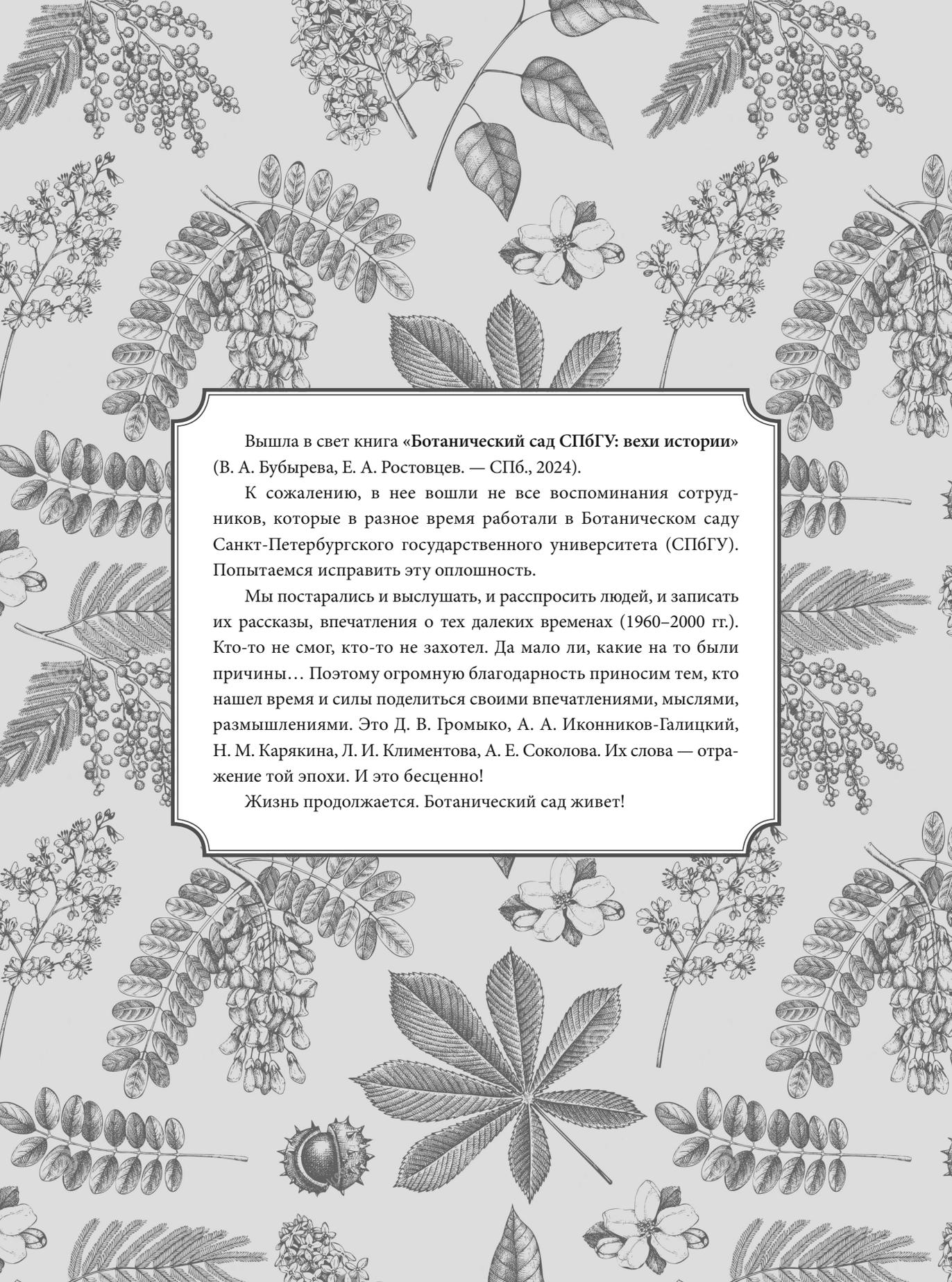
Ботанический сад СПбГУ.
Вехи истории. Продолжение

Воспоминания

Санкт-Петербург
2024

Вышла в свет книга «**Ботанический сад СПбГУ: веки истории**»
(В. А. Бубырева, Е. А. Ростовцев. — СПб., 2024).

К сожалению, в нее вошли не все воспоминания сотрудников, которые в разное время работали в Ботаническом саду Санкт-Петербургского государственного университета (СПбГУ). Попытаемся исправить эту оплошность.

Мы постарались и выслушать, и расспросить людей, и записать их рассказы, впечатления о тех далеких временах (1960–2000 гг.). Кто-то не смог, кто-то не захотел. Да мало ли, какие на то были причины... Поэтому огромную благодарность приносим тем, кто нашел время и силы поделиться своими впечатлениями, мыслями, размышлениями. Это Д. В. Громыко, А. А. Иконников-Галицкий, Н. М. Карякина, Л. И. Климентова, А. Е. Соколова. Их слова — отражение той эпохи. И это бесценно!

Жизнь продолжается. Ботанический сад живет!

Дмитрий Васильевич Тромько

Старший научный сотрудник лаборатории палеоботаники, руководитель
Экспертного центра Ботанического института им. В. Л. Комарова РАН

Я пришел не с улицы... В то время никто в Ботанический сад с улицы вообще никто не приходил. Только по рекомендации!

Это был самое золотое время советской эпохи. Я окончил школу в 1974 году, поступил на вечернее отделение биолого-почвенного факультета Ленинградского университета и один год отработал на комбинате «Цветы», хорошо зарабатывал (иногда – до 200 рублей!). Тогда обязательным условием учебы на вечернем отделении была работа по специальности. Казалось бы: работай и работай! Но, несмотря на большую зарплату, очень хотелось перейти на работу в университет. С одной стороны, конечно, удобнее было бы посещать занятия, так как я учился на вечернем отделении. А с другой — очень хотелось окунуться в эту самую университетскую среду.

Моим репетитором по биологии был доктор наук, профессор Эрван Шамирович Айрапетянц (одно время он заведовал кафедрой высшей нервной деятельности в университете). Его жена тоже работала в университете. И вот, зная мое желание перейти в это учебное заведение на работу, Айрапетянц с супругой пытались подыскать мне место. Но оно не сразу нашлось — на это ушло несколько месяцев.

И вот однажды раздался звонок: мне велено было прийти в Ботанический сад университета (я, к своему стыду, не знал, что там есть Ботанический сад), найти его директора Дмитрия Михайловича Залесского и сказать, что я «от академика Амбарцумяна». Это вовсе не значило, что меня сразу устроят на работу, просто Залесский согласился со мной побеседовать и «возьмет, если ты ему понравишься».

Ботаническим садом я был очарован: лето — все цвело, только что построили большую оранжерею...

Мы с Залесским довольно долго беседовали, он расспрашивал-допрашивал, прощупывал мои знания по ботанике и вообще о растениях. А я был в то время вполне себе подкованным садоводом после работы в «Цветах»: знал о выгонке тюльпанов, работал с финской гвоздикой. Еще расспрашивал о семье, детстве, чем я собираюсь заниматься в ботанике. И после беседы сказал, что берет меня лаборантом в открытом грунте.

Открытый грунт — это, конечно, хорошо, но мне очень хотелось в закрытый — в оранжерею. Но с Залесским не поспоришь... Конечно, я сильно терял

в деньгах. Зарплата лаборанта — 75 рублей, но желание работать в университете было сильнее жажды денег. Так я попал в Ботанический сад, который на два года стал для меня домом.

Внешне Залесский был строгим человеком, и из-за этого его несколько побаивались. Начинали мы работать в девять утра, но необходимо было приходиться пораньше. И вот, идем к калиточке в сад, а там уже Дмитрий Михайлович стоит, смотрит. Причем у нас была шестидневная рабочая неделя, то есть работали и по субботам, а раз в месяц дополнительно дежурили по воскресеньям. С одной стороны, это было напряженно, но с другой — была возможность привести друзей и прекрасно отдохнуть в тропической оранжерее, заодно полив все растения.

В это время альпийские горки заросли очень вкусными сливами. Под ними рос восхитительный крыжовник. Его все ели, а потом писали объяснительные: почему ели. Очаровательный, волшебный уголок в центре университета... Регулярных посетителей здесь не было, поэтому сад воспринимался как нечто личное, и неудивительно, что Залесский старался обустроить его по своему вкусу.

Водная оранжерея под руководством А. Е. Соколовой была весьма представительная по числу видов. Приезжал как-то директор Киевского ботанического сада, там водная оранжерея считалась лучшей в СССР (ну, там и климат другой...), так вот: они с Соколовой сосчитали виды и поняли, что наша водная оранжерея побогаче будет.

Я проработал уже месяцев шесть и, видимо, заслужил доверие — Д. М. Залесский перевел меня в оранжерею! Вершиной же моей карьеры в Ботаническом саду университета (действительно вершиной!) — я к тому времени уже года полтора работал — было следующее. Дмитрий Михайлович брал меня несколько раз в кактусовую оранжерею. Это была *terra incognita*, святая святых. Кактусы были его большой любовью. Залесский сам всегда ухаживал за растениями, поливал их. Туда было практически не попасть, и то, что он меня взял, было большим достижением. А однажды он уехал в отпуск, и мне был доверен ключ. Я мог зайти в кактусовую оранжерею и насладиться всей коллекцией без строгого надзора, все подробно рассмотреть.

Вместе с Аверьяновым мы плавали в бассейне водной оранжереи, когда его чистили (Л. В. Аверьянов — ныне президент Русского ботанического общества, доктор биологических наук, профессор). Это происходило в конце весны — начале лета. В бассейне жило много рыб: тилапии, гуппи — «за людей их никто не считал», макроподов тоже хватало — это рыбы очень большие и красивые. Так вот, когда раз в год надо было чистить бассейн (а это тяжелая

работа — убирались кадки, растения...), рыба при этом вылавливалась. Тиляпий удавалось выловить, гуппи — тут уж как получится... А вот хитрые макроподы не ловились вовсе, они каким-то образом сбегали в канализацию.

Закончив подготовительные работы, начинали чистить бассейн щетками, обливали кипятком, а потом уже наполняли водой. И вдруг происходило чудо: откуда-то вдруг выплывали макроподы... Они были белесые, с обваренной чешуей, но живые! Потом они как-то самовосстанавливались. Похоже, макроподы — рыбы неубиваемые.

В Ботанический сад не допускались никакие чужие работники, только свои, поэтому мы с Сашей Лавренко забирались на большую оранжерею по лесенке и палкой аккуратно, чтобы не попасть в стекло, сбивали сосульки.

Вообще о большой пальмовой оранжерее у меня самые приятные воспоминания. Фикусы, а их было много, так аккуратно посажены, что оранжерея не была перегружена, но и не смотрелась пустой, в ней царилла какая-то гармония. Ее кубатура очень хорошо соотносилась с растениями.

При Залесском была богатая коллекция орхидей. Ими занимались Елена Трифонова и Лариса Рейнвальд. Орхидеи росли в больших контейнерах из деревянных реечек и висели на крюках. Раз в десять дней мы аккуратно снимали их с крюков и опускали в воду, «поили» цветы. Не помню: добавляли ли в воду удобрения?

А какой там стоял запах во время цветения! Какое разнообразие цветов и оттенков!

Сейчас в БИНе заведует карантинной оранжереей Виктор Иванович Соловьев, который когда-то очень хотел, чтобы пальмы перезимовали под открытым небом. Он был большим другом Д. М. Залесского, который всем говорил: «Мальчик проводит опыты. Не мешайте». И Соловьев, тогда молоденький мальчик, снова и снова оставлял зимовать молоденькие пальмы под белыми акациями. Но... снова и снова попытка заканчивалась неудачей. Увы...

Крупные оранжерейные растения росли в больших деревянных кадках, и время от времени столярные мастерские университета поставляли нам эти огромные кадки. Летом растения вытаскивали из оранжерей на открытый воздух. Ну, это понятно — солнце, воздух. Растения в горшках размещались на альпийских горках, но в землю не вкапывались. Так и стояли все лето на улице. Конечно, им это было на пользу.

Сейчас, вспоминая прожитые годы, мне кажется, что в то время в Ботаническом саду было все замечательно! Может быть, я ошибаюсь, но мне так все это запомнилось...

Анджей Анджеевич Иконников-Галицкий

Редактор издательства «Государственный Эрмитаж»

Скажу сразу: мои воспоминания — про жизнь, а не про науку и коллекции. Про шесть лет нескучной жизни.

Я работал в Ботаническом саду университета с марта или апреля (точно не помню) 1986-го до лета 1992 года. Это были самые-самые «перестроечные» годы. В 1986 году впервые прозвучало слово «Перестройка». А в 1992 году — «шоковая терапия»: гайдаровские реформы, развал Союза. И вот именно это время я провел в тихой гавани Ботанического сада университета.

Называлось моя должность «лаборант», но при этом надо было землю копать и таскать, растения поливать и пересаживать — заниматься физической работой. Хотя при всем том успел я побывать и заместителем директора Ботанического сада — по гражданской обороне. Да, и такая была должность — не официальная, а скорее, полуофициальная (это добавляло вроде «десятку» к зарплате). Я проводил какие-то беседы, ходил на курсы, где нас обучали, что с нами будет, когда случится ядерная война. Нам и противогАЗы выдавали, я их в Ботанический сад носил, учил сотрудников с ними обращаться (хотя сам едва умел). И ведь надо же, они-таки намгодились (об этом — чуть ниже).

А в Ботанический сад я попал так. Учился-учился в Химико-фармацевтическом институте, а в конце предпоследнего семестра понял, что это — не мое. И ушел оттуда осенью 1985 года. Ушел-то — ушел, а что дальше, жить как? Хотя времена были уже горбачевские, но законы-то старые, брежневско-андроповские, а это значило, что надо в течение трех (или четырех?) месяцев устроиться на работу, иначе по закону о тунеядстве светит срок до трех лет. А найти работу, которая была бы и по уму, и по сердцу, оказалось не так-то просто.

Так вот, у моей бабушки была сестра, которую звали Елена Александровна Кондратьева-Мельвиль, и была она доцентом кафедры ботаники университета. Сейчас ее мало кто помнит, но тогда все на биофаке знали. У нее был любимый ученик — аспирант Леонид Евгеньевич Водолазский. Сейчас он — протоиерей, служит в Твери, а в то время — директор Ботанического сада.

Елена Александровна звала его просто Леней, и я с ним не раз виделся, чай вместе пили, общались — короче говоря, мы с ним были знакомы. Вот и возникла мысль: «А почему бы не пойти работать под его началом?» Вообще, в Ботанический сад никто не попадал просто так — «с улицы», непременно нужны были какие-то рекомендации.

И вот я пришел в Ботанический сад... Леонид Евгеньевич, правда, работал там директором последние денечки, как раз передавал дела Валентине Николаевне Никитиной. С ней я не был знаком, но когда увиделись, она мне сразу понравилась — деятельная, открытая, с блеском в глазах. Всегда поможет и плечо подставит в тяжелый момент. Это подкупало. Я потом много ездил в экспедиции, и такой тип людей мне симпатичен и близок.

Итак, я оформился на полставки лаборантом, и уже Никитина меня повела знакомиться с моим непосредственным начальником. Идем мы с ней то вверх, то вниз — в оранжерею, где росли большие-большие пальмы, а там гляжу — молодой такой дяденька вместе с симпатичными девушками пересаживает какое-то большущее растение — то ли монстеру, то ли пальму, не припомню уже. Валентина Николаевна мне и говорит: «Это твой начальник — Александр Владимирович Халлинг, а попросту — Саша». И с ним мы быстро нашли общий язык на почве науки, политики, литературы и всего прочего.

В Ботаническом саду царил, я бы сказал, очень здоровая атмосфера. В прямом смысле полезная для здоровья. Все время шла переделка, перелицовка, ремонт того, замена сего, перестройка этого. Ко всему прочему с давних времен в воздухе висела идея перевода Ботанического сада в Петергоф. Под этот проект была, кстати, учреждена должность замдиректора. Правда, замдиректора быстро менялись: на моей памяти их было, кажется, четыре, причем каждый начинал что-то перестраивать. И постоянно велась война между какими-нибудь двумя группировками — как война тупоконечников с остроко-нечниками. Неважно, за что боролись, но адреналина это добавляло. А так как постоянно что-нибудь строилось или переделывалось, то много было полезной физической работы.

Я оформился весной, а летом начались работы на открытом грунте — бодрая деятельность на свежем воздухе. В то лето затеяли нечто грандиозное: сооружали что-то вроде каскада с прудом, таскали песок, заливали бетон. Мне было интересно размяться после нескольких лет студенческих посиделок.

Как-то в самом начале летних трудов меня поставили в пару с крепким парнишкой Володей Колупаевым — сложившимся борцом, легендой Ботанического сада. Он тогда только что вернулся из армии (служил где-то в спецназе на Кубе) и учился на кафедре ботаники. Мы, что называется, сработались: ему понравилось, что я не филоноу, а мне — что с ним есть о чем поговорить. А то и песню спеть! И очень быстро мы подружились — и с ним, и с Халлингом, и еще с кое-какой публикой близкого возраста. В саду вообще много работало молодых: уж не говорю про лаборанток, девчонок-студенток с кафедры (мальчишек было поменьше), но и постоянные научные и прочие сотрудники тоже в основном

были молодые. Компания сложилась очень славная, нескудная: Ирина Маулини, Андрей Неганов, Наталья Корякина, Юлия Шахова... Все это было интересно.

Ну а потом, и довольно скоро, начались приключения эпического характера. Настала зима 1986–1987 годов. И в январе ударили жуткие морозы, дней десять температура держалась ниже тридцати, а под утро доходила и до минус сорока градусов. Кажется, в ту зиму даже случился абсолютный минимум температуры в Питере. Большая оранжерея стала замерзать, да и маленькие тоже оказались на грани. В саду была своя котельная, но ее мощностей не хватало, да и во всем городе давление газа в системе упало.

В то время в университете работал потрясающий сантехник, сварщик и мастер на все руки Александр Иванович — он все умел и всегда знал, что делать. И у нас в мастерской (она находилась в подвале) обитал некий Рома, столяр и слесарь. Вот они с Никитиной, Халлингом, Негановым и при нашем посильном участии придумали, как быть: ставить самодельные печки! Мы ходили по всей университетской территории, собирали железные бочки, трубы и прочее бесхозное железо, которого тогда, надо сказать, довольно много валялось. Александр Иванович с Ромой сварили из этого металлолома буржуйки. Одна была огромная, выше человеческого роста — для большой пальмовой оранжереи: ее набок положили, трубу приварили и вывели наружу. Буржуйки поменьше сварганили для маленьких оранжерей. Еще где-то добыли тепловые пушки — их тоже приспособили. Все это сделали всего дня за два, торопились — по верхам растения уже стали замерзать, на остеклении изнутри выступил лед. Организовали дежурство: по несколько человек ночевали в саду, потому что надо было непрерывно топить эти импровизированные печи. По всему Васильевскому острову — по стройкам, дворам и помойкам — ходили, как в блокаду, с саночками, собирали дрова. Вернее — все, что могло гореть: доски, ящики, гофрокартон и прочее. Оказалось, что дров-то много валялось, да и в университете тоже было немало всякого горючего мусора.

Вот в этот-то момент и пригодились противогазы. Дело в том, что в маленьких оранжереях буржуйки топились нормально: трубы были выведены наверх, тяга была достаточная. А вот в большой оранжерее образовалась проблема. Ведь тяга зависит от высоты трубы — она должна быть выше конька крыши, а сделать это в большой оранжерее в два дня да своими силами — невозможно. Вообще, это целая производственная задача, в тех условиях непосильная. Поэтому, хотя труба в большой оранжерее тоже была выведена на улицу, но тяги не хватало, из топки дым валил обратно, и внутри было так дымно, как в охваченном пожаром коровнике. Конечно, некоторые растения от этого пострадали и даже погибли, но топить все равно было необходимо, потому что иначе погибло бы все.

Вот и приходилось ходить топить буржуйку в пальмовой оранжерее в головных уборах времен Первой мировой войны. Двое, натянув на головы противогазы, топают в пальмовую и там в плотном дыму, как черти в преисподней, кидают дрова и шуруют кочергой в топке. А другая смена тем временем сидит в комнате и рассуждает о перестройке и гласности.

Так мы и проводили время в течение полутора недель. Честно говоря, даже домой уходить не хотелось. Нам потом выдали небольшую премию и даже какую-то грамоту за спасение коллекции.

Кроме этих подвигов, были экскурсии, поездки. Как-то всем коллективом ездили в Саблино, дерн резали для Ботанического сада и при этом немало веселились. В другой раз искали (и нашли!) на опушке леса близ Суйды маленький папоротник — гроздовник полулунный (*Botrychium lunaria* (L.) Sw.), тот, который как бы должен цвести (как там у Гоголя?) в ночь накануне Ивана Купалы. А поскольку там, в деревне, домик был у Ирины Маулини, то было, где отдохнуть после утомительных поисков волшебного растения.

Потом уже (кажется, в 1990-м или в 1991 году) с Сашей Халлингом ездили в настоящую командировку — в Гагры. Нам такую командировку официально выписали: воровать растения... Ну нет, конечно, не совсем воровать, а так — по мелочи. Тогда же ничего было не достать. И мы ходили по садам и паркам и черенковали тайком, пока никто не видит. А в тех садах, где были знакомые, — там нам разрешали черенковать открыто. В сочинском парке Дендрарий, в Лоо, в адлерском парке Драчевского («Южные культуры»), в Гаграх. Такая была прекрасная поездка!

В самом Ботаническом саду тоже скучать не приходилось. Как я уже упоминал, была ведь еще и собственная котельная. Это совершенно эпическое место — наша котельная. Вообще, в те годы в котельных работали всякие интересные чудаки и оригиналы — вспомним хотя бы Виктора Цоя. Ну, Цой у нас не работал, но другие достойные личности трудились. Вроде даже какие-то религиозно-философские деятели: сначала правоверные иудеи в кипах, потом на их место пришли, наоборот, ультраправославные, потом писатели-поэты патриотического направления. С ними было интересно общаться, а так как они такие непростые, и языки у них хорошо были «подвешены», то к ним льнули работавшие у нас студентки. Таким образом, в котельной образовывался клуб. Беседовали, выпивали, немножко за барышнями ухаживали, спорили о судьбах России и мира.

Это же были перестроечные годы: вся страна о чем-то говорила, спорила. Дискуссии велись везде. Плюрализм наличествовал и в Ботаническом саду: тут у нас одна партия, а в другом крыле — другая. Одни, скажем, — за демократов, другие — за восстановление монархии.

Самый положительный из всех кочегаров (он не был ни писателем, ни членом общества «Память») — Сергей Башмаков. Он был хорошим сапожником, полностью оправдывая свою фамилию. Не только чинил, но и шил обувь, причем отличную! К сожалению, рано погиб.

А как-то однажды водную оранжерею заселили лягушки. Кто-то из зоологов, наверное, уехал в экспедицию, и, видимо, это был знакомый куратора водной оранжереи Аллы Евгеньевны Соколовой. Хозяину негде было оставить свою коллекцию амфибий, вот он и принес ее в водную оранжерею. Я тогда повидал фантастических земноводных: жабы-аги — огромные, с кремовым брюшком и шоколадной спинкой, всякие древесные тропические лягушки невероятных расцветок: голубые, желтые, зеленые, красные... Яркие, как попугаи.

А еще мы гнали самогон. До поры до времени нам выписывали спирт-ректификат для борьбы с вредителями. Хорошая вещь! С вредителями мы честно боролись, а то, что не уходило на борьбу, потребляли. Но потом то ли перестали давать, то ли радикально сократили количество, то ли стали выдавать плохой спирт... А тут как раз наступили времена талонов: алкогольные напитки — строго по карточкам. Вот мы и придумали ставить брагу на сахаре да на томатной пасте и помещать емкость для брожения в самые теплые оранжереи — в кактусную например (там жарко и сухо). И из этой браги гнали самогон. Тоже удобно: вокруг биофак да физфак, достать лабораторную посуду — не проблема. Вот мы и гнали: из колбы через обратный холодильник, подключенный к водопроводу, — в другую колбу. Неплохо получалось.

Еще один интересный сюжет: как мы с Халлингом занимались остеклением оранжерей. Времена-то какие были? Денег нет, ничего не купить, ничего не достать, нанимать некого и не на что. Значит, будем делать сами. Халлинг хоть что-то по этой части умел, а я — ничего. Самым трудным оказалось освоить резку стекла; когда этому делу научился — работа пошла веселее. Вот мы и ползали по верхам кактусной, водной и еще каких-то оранжерей с молотками и стеклами в руках, с гвоздиками во рту: вставляли, приколачивали, промазывали...

Еще была у меня нагрузка: одно время я вел переписку с ботаническими садами, занимался обработкой обменных списков семян. Какие-то семена получали, какими-то делились с коллегами.

В те годы появился закон о МГП (малых государственных предприятиях); в университете учредили «Унихортус», мы открыли магазин в саду. Выращивали растения на продажу, готовили земляные смеси, что могли — черенковали, доразвивали и продавали. Сначала торговля бодро пошла — весь университет ходил к нам и покупал растения. Даже какие-то приятные деньги я стал получать в дополнение к зарплате. Потом дело застопорилось,

а потом и окончательно заглохло — все-таки этот бизнес требует других усилий, большего размаха, больших площадей.

А сколько необыкновенных людей проходило, что называется, «по касательной» к Ботаническому саду! С теплым чувством вспоминаю Нину Александровну Спасскую. Правда, с одной стороны, мы с ней воевали. Она была страстная и неумная кошатница, подкармливала и лелеяла всех кошек университета. Как сейчас вижу картину: сумерки, чья-то тень крадется с ведром вдоль стен от кафедры ботаники в сторону университетской столовой, а потом обратно. Это Спасская: столовские оставляют для нее кое-какие объедки, а она под покровом ночи забирает и раскладывает по всему университету еду для кошек.

Что касается Ботанического сада, то для него кошки в таком количестве были настоящим бичом: они пробирались в оранжереи, раскидывали горшки с растениями, использовали песок в качестве туалета — в общем, безобразничали. И начальство, и мы пытались Нину Александровну образумить — и по-хорошему, и по-плохому... Бесплезно: ею владела страсть. Но в то же время Нина Александровна была потрясающим знатоком флоры. Помню, мы с ней ходили на экскурсию по Линдуловской роще. Она рассказывала невероятно интересно, и знаниям ее не было предела. Я не ботаник — что называется, мимо проходил, — но тут слушал, развесив уши, и готов был ходить за ней хоть до ночи.

Еще человек — Леонид Евгеньевич Водолазский. После того, как перестал быть директором Ботанического сада, все равно к нам частенько заходил. Теперь-то он большой человек в Тверской епархии: настоятель двух храмов и директор православной школы. Пару лет назад я был в Твери, проходил через район, называемый Коммунарка (бывший Морозовский городок) и вижу: среди мрачноватых полуразрушенных корпусов — ухоженное, чистое красивое здание и цветущий садик при нем. Оказалось, это епархиальная православная средняя общеобразовательная школа во имя святителя Тихона Задонского, а создал ее и здание восстановил из руин протоиерей Леонид Водолазский.

Летом мы выносили из оранжерей на свежий воздух очень много растений. Наверное, половину хвойных, много дальневосточных, Юго-Восточную Азию, Австралию... Солнце, воздух, дожди, ветер... И к осени растения здоровели, это было заметно. Мне кажется, что для растений очень важно движение воздуха: воздействие ветра их укрепляет. Думаю, А. Халлинг прав: растения не надо жалеть, надо, чтобы их крутило, вертело и ломало... Ну, в меру, конечно. Это растениям на пользу. Механическая ткань становится крепче. Когда растения пребывают в оранжереях постоянно, безвылазно, они становятся чахлыми, хрупкими, легко ломаются.

Удобрляли растения и в оранжереях, и в открытом грунте. Откуда-то к нам привозили навоз — органическое удобрение, лучше которого ничего не бывает. Летом разводили его в бочках, зимой — в бассейне в оранжерее.

Время от времени приходилось пересаживать крупномерные растения. Это дело непростое. Сначала надо было добыть тару для пересадки. И в этом была целая проблема: где достать большие горшки и кадки? Как-то ездили за ними даже в Латвию — в город Цесис (бывший Венден — между прочим, столица Ливонского ордена) за большими керамическими горшками: их делали только там. Где-то специально заказывали деревянные кадки. Сама пересадка — целая операция. Надо собрать побольше людей, желательно мужского пола, растение в кадке (или в том, что от нее осталось) вытащить на удобное место, как-то поднять и извлечь (иногда привязывали за ствол, куда-то там перекидывали веревку и поднимали), потом подставить новую кадку с дренажем и песком, опустить туда, досыпать землю... Времени такая пересадка могла занять полдня, а главное — надо чтобы народ был под рукой.

Ботанический сад объединял разные стороны жизни. Он был жилым, родным «гнездом». И пообщаться есть с кем, и работы достаточно: летом — на свежем воздухе, а зимой — в оранжерее. Честно скажу: работать было просто очень приятно. Мне сейчас не хватает такой работы: с землей, на воздухе, да еще и вода задействована. Три стихии из четырех. Вообще, человеку это необходимо!

Лариса Ивановна Климентова (Колесниченко)

Я работала в Ботаническом саду университета с 1977 по 2006 год. Пришла работать в сюда, когда Саша Халлинг (ныне замдиректора Ботанического сада СПбГУ) служил в армии, он вернулся в 1978 году. Брал меня на работу Дмитрий Михайлович Залесский. А привела меня к нему моя сестра — Людмила Крупкина (кандидат биологических наук, старший научный сотрудник БИН РАН). В то время она работала препаратором на кафедре ботаники. А без рекомендации в Ботанический сад никого не брали.

В этот период произошло важное событие для Ботанического сада: построили большую пальмовую оранжерею, и там была высажена «банановая пальма». И она впервые зацвела! Помню, тогда была золотая осень, а тут — такое событие... Оно меня и удивило, и восхитило. Я залезла на самый верх оранжереи (там предусмотрены были специальные лестницы и переходы) и оттуда, сверху, я увидела мощный бутон. Потом «пальма» отцвела, завязались плоды.

Нам так хотелось попробовать своей собственный, выросший в нашем саду банан. Но было очень трудно пристроить в большой оранжерее стремянку. С трудом, но это удалось. Каково же было разочарование, когда внутри плода оказалась лишь масса семян, мякоти почти не было. Да, это был дикий банан, у которого все семена развиваются, это у культурного банана их нет. Но пах он божественно!

С коллекцией сенполий (узамбарских фиалок) я работала три года — с 1977-го по 1980-й. Залесский учил меня, как готовить землю для разных растений, особенно для своих любимых сенполий. Спускались в подвал под кафедрой ботаники и там на столе разную землю смешивали в определенных пропорциях строго по «рецепту»! При этом Дмитрий Михайлович пояснял: «Надо действовать так, как будто ты месишь тесто для пирогов». А я-то пирогов никогда не пекла. «То-то и видно, что пирогов не печешь!» — заметил Залесский.

Для сенполий (а директор их очень любил, у него даже есть книга «Сенполии», она вышла в 1983 году) он добавлял в приготавливаемую землю свой «волшебный» ингредиент. В углу стоял сундук с голубиным пометом, он-то и шел в дело.

Интересно происхождение этого помета: в 1960-е годы был ремонт Исаакиевского собора, чистили и какие-то там чердаки, оттуда Дмитрий Михайлович и принес голубиный помет. Это было сокровище!

Вообще свои сенполии Залесский очень любил. Его коллекция располагалась в двух местах: часть растений, наименее прихотливых, — у выхода во второй оранжерее, а вторая часть, наиболее нежных растений, — в комнате рядом с его кабинетом, практически при постоянной подсветке. Там было огромное число «дикарей», то есть видов, растущих в дикой природе. Как мне помнится, их было 19, причем не сортов, а вполне себе растений из разных районов.

Вообще, известно много сортов сенполий, но в диком виде они произрастают в горных районах Западной Африки. И каким-то образом Дмитрию Михайловичу удалось собрать «дикарей» у себя в коллекции!

Он строго следил за растениями, чтобы каждого вида было по семь растений (правило «семи горшков»), чтобы если произойдет какой-нибудь «несчастный» случай, вид не выпал бы из коллекции полностью. За этим я и следила.

Тогда у Залесского была подруга по имени Тея (Таисия), поэтому некоторые сорта носили соответствующие названия: сенполия «Теи», сенполия «Лютей» и другие. А еще один из сортов Дмитрия Михайловича взяло к себе для размножения общество «Цветы». Помню, как сорт назывался: Малиновая Залесского.

Дмитрий Михайлович очень хорошо рисовал. Запомнились его рисунки карандашом видов Батуми. Он туда ездил за новыми растениями для коллекций. Иногда он рисовал и своих попутчиков в поезде. Куда делись эти рисунки — неизвестно...

Наталья Максовна Корякина

Руководитель студии цветочного дизайна «Наталья»

Любовь к природе мне привила мама. Она очень любила растения и рассказывала мне, что девочкой бегала зимой в Ботанический сад на Аптекарском острове, дышала на стекло, протирала маленькое окошечко в замерзшей оранжерее и смотрела на растения. Но тут случилась Великая Отечественная война, она стала медицинской сестрой. И осталась в медицине на всю жизнь.

В школьные годы я постоянно занималась в разных кружках: пения, рисования, цветоводства. Моей первой преподавательницей по рисованию была Мария Алексеевна Горохова (1903–1991), жена художника Л. А. Юдина (1903–1941). Лев Юдин — ученик и соратник Казимира Малевича.

После окончания школы в 1970 году, конечно же, решила поступать на биологический факультет Ленинградского университета. Тогда сдать экзамены на биофак было очень трудно. Увы, с первого раза я туда и не поступила.

Куда пойти работать? Выбрала Ботанический сад, вспомнила свое увлечение цветоводством — растения мне всегда нравились. Труд, земля, растения — это то, что мне давало силы всю мою жизнь. Дмитрий Михайлович Залесский, тогда директор Ботанического сада, внимательно со мной поговорил и взял на работу. Приставил меня к коллекции кактусов и суккулентов. В тот период еще не было здания большой пальмовой оранжереи, к которой теперь пристроено отделение кактусов и суккулентов, и коллекция располагалась в маленькой заглубленной оранжерее. Мне очень нравилось работать в саду: интересно и компания хорошая. Не было здесь равнодушных людей, все болели душой за растения, за свою работу.

В то время в открытом грунте Ботанического сада выращивали много цветов, ассортимент большой, и была беседочка около третьей оранжереи, где сотрудники университета могли купить эти цветы.

А еще в Ботаническом саду была собака. (Или две? Не помню точно.) Эдакие охранники сада. У нас была обязанность: вечером идти в студенческую столовую, почему-то в ватнике, и забирать остатки еды для наших собак. Не любили мы этого, совсем не любили, но собак-то кормить было надо...

На следующий год я поступила в университет, но продолжала работать некоторое время в Ботаническом саду. Училась на вечернем отделении, специализировалась по кафедре ботаники. Чтобы учиться на вечернем отделении факультета, в то время надо было обязательно работать по специальности, справку с работы принести в деканат.

Некоторое время работала во Всероссийском институте растениеводства (ВИР). Защитила диплом по анатомии семян разных сортов подсолнечника под руководством двух докторов наук, профессоров В. К. Василевской (кафедра ботаники) и М. Г. Агаева (ВИР). Сначала мне тема не очень нравилась, казалась скучной, но Вероника Казимировна так представила ее, что стало интересно: а как зависит всхожесть и срок хранения семян от их анатомического хранения?

Окончив университет в 1979 году, два года проработала в лаборатории экспериментальной ихтиологии в Биологическом институте (БиНИИ). Мне это было очень удобно, потому что лаборатория располагалась во дворце в парке Сергиевка (ст. Университет), а я жила тогда в Мартышкине. Территориально — близко, но я чувствовала, что это не мое место. И как же я была рада вернуться в Ботанический сад в 1982 году! Осталась здесь на долгие годы — до 2009-го.

Дмитрия Михайловича Залесского, которого я хорошо знала по моим первым годам работы в саду, тогда уже не было, он серьезно болел, директором стал Леонид Евгеньевич Водолазский.

И опять моя судьба пересеклась с коллекцией кактусов и суккулентов, я стала куратором этой коллекции. Надо было не только ее поддерживать, но и увеличивать число видов. Коллекция была большая, но очень хотелось ее еще увеличить. Немало новых видов я получила от коллекционеров. Среди них были добрые и щедрые люди, прекрасно понимающие ценность растений.

Мы много ездили по разным ботаническим садам СССР и по экспедициям — в Карпаты например. И везде к нам хорошо относились (еще бы — Ленинградский университет!), всегда была возможность брать черенки как оранжерейных растений, так и растений открытого грунта. Черенки и семена привозили из разных ботанических садов (Москва, Киев, Таллин, Рига, Львов), выписывали по делектусам (обменным спискам между ботаническими садами) по 8–10 новых видов каждый год. Семена банальных видов я не выписывала, меня привлекали только «редкости».

Весной семена сеяли, потом пикировали, далее доращивали растения. Так ведь не бывает, чтобы коллекция создавалась в одночасье, это длительный период.

Как-то по обмену мне пришло только два семечка хавортии усеченной (*Haworthia truncata* Schönland). Обычно приходило больше семян в одном пакете, но этот вид очень редкий, поэтому и семян было так мало. И — о чудо! — одно семечко взошло. Это было счастье!

Еще любила сеять и выращивать литопсы (род *Lithops*) — «живые» камни — род суккулентных растений из семейства Аизовые. Меня особенно интересовали компактные формы растений, они были моими любимыми.

Оранжерея — маленькая, а хотелось разместить больше и больше видов растений. Суккуленты практически не поражались никакими вредителями, а вот кактусы — да, поражались. Каждый четверг травили вредителей. Четверг — протравочный день.

Какое-то время, пока училась, работала в лаборатории ресурсоведения в Ботаническом институте у Б. А. Шухободского. Это мне потом очень помогло, я знала сотрудников БИНа, с которыми сложились добрые отношения.

В какой-то момент мне стало тесновато в своей коллекции. Она была в полном порядке, но энергии-то было много. И направила я свои силы в открытый грунт.

Интересная история: мне позвонила подруга и сказала, что в Доме дружбы на Фонтанке будет интересная лекция по икебанае. Я решила пойти, мне это показалось интересным, да мы тогда мало что знали об этом искусстве. То, что я там услышала, вызвало полное восхищение и удивление. Лекцию читала Ксения Александровна Петрова — выпускница Мухинки — Ленинградского высшего художественно-промышленного училища им. В. И. Мухиной (сейчас это Санкт-Петербургская государственная художественно-промышленная академия им. А. Л. Штиглица). Она была одной из первых профессиональных художников-флористов нашего города и единственной, кто в те годы обладал грамотой японской школы искусства икебаны Согэцу. Как она все это рассказывала, какие удивительные вещи! Обратилась к ней: «Я — сотрудник Ботанического сада. Можно я буду ходить к вам на секцию?» Получила согласие, и мне было на занятиях чрезвычайно интересно.

Однажды попала книга Лидии Григорьевой о японских садах. Ее дали ненадолго, пришлось страницы перефотографировать. И вот после такого «толчка» я много думала, много рисовала, и когда все в голове «оформилось», начала воплощать свои идеи в жизнь на территории Ботанического сада. В реализации задуманного мне много помогал директор сада Л. Е. Водолазский.

Вообще, я привозила очень много растений отовсюду. Такая случилась профессиональная «жадность», хотелось привезти все больше и больше. Всегда нравилось привозить и семена, и черенки, а потом их доращивать. Этакая «школа», питомничек. И сейчас в саду меня встречают растения, тесно связанные с воспоминаниями о моих поездках: что-то — с Сахалина, другое — из Чехословакии, Польши, Эстонии, Японии. И не только. Всего не перечислишь!

Привозила разные хвойные растения, сакуры — тогда их почти в Ленинграде не было. И вот решила вторгнуться в открытый грунт не с посадкой отдельных растений, а «перекроить» часть территории. Мне пришло в голову переделать партер в саду.

По плану Ботанического сада на месте, где я собиралась сделать свой партер, мой «пейзажный садик», должен быть розарий. Так однозначно: только розарий! Да, при Дмитрие Михайловиче там был розарий, были посажены розы, но прошло время, и по разным причинам розы выпали из коллекции. Много их вымерзло, и остались только шиповники, на которые когда-то и привиты были сортовые розы. Розы же такие нежные создания...

У меня уже созрел план создания партера, и мне очень хотелось эту идею воплотить в жизнь. Я неоднократно ездила в ГИОП с эскизами партера и убеждала сотрудников, что нет смысла возрождать розарий, да и какими именно сортами роз? В Эстонии и Латвии купила хвойные растения (тогда хвойников мало было в саду). И посадила группу хвойных, которая спустя тридцать с лишним лет выросла в большие деревья.

В те годы я это место называла японским садиком. Правда, когда съездила в Японию и увидела, как в действительности выглядят японские сады, то свой садик стала называть скромно: пейзажным. Конечно, за моим садом никакой философии не стояло, а это — необходимый атрибут для японского сада. Если присмотреться, то становится видно, то некоторые деревья посажены очень близко друг к другу. Я их собиралась потом рассадить, это обычная практика в садоводстве, но уже не хватило времени. Жаль.

Мне в жизни встречались люди, которые определили мой жизненный путь. Наверное, у каждого такое бывает. Мама была первой, кто направил меня в жизни, а Дмитрий Михайлович Залесский стал вторым таким человеком. Я ему очень благодарна.

У нас с Дмитрием Михайловичем были хорошие отношения. В оранжерее тогда висели очень большие корзины с орхидеями (род *Coelogyne*) — это красивые растения с крупными белыми цветами. Мне на свадьбу Д. М. Залесский подарил ветку такой цветущей орхидеи. У меня в волосах были цветы орхидеи! Я была самая красивая.

Как-то иду около Манежа, смотрю: сидит Дмитрий Михайлович на лавочке. Разговорились. После этого стала заходить к нему на чай иногда, в чем-то помогать (он жил на Итальянской улице). Много разговаривали. В то время он писал воспоминания о своей жизни во время войны. От университета их отправляли периодически рыть окопы под Ленинградом. Во время одной из поездок случилось наступление фашистов, и они попали в окружение. Их группу бросили, забыли. Выбирались через болото.

Я никак не могла в это поверить — ведь была пионеркой, комсомолкой. Как-то недоверчиво отнеслась к рассказу Дмитрия Михайловича, и он больше со мной об этом не заговаривал. Не знаю, сохранились ли где-то эти воспоминания?

А еще он мне рассказывал, как в детстве брату проткнул ухо. Они были маленькие и подумали, что если в одном ухе есть отверстие, и с другой стороны тоже есть, значит, отверстие сквозное, и туда можно ткнуть. Дмитрий Михайлович и ткнул ножницами, и проткнул что-то там в ухе, и его брат плохо слышал на одно ухо до конца жизни. Мне кажется, что это был его младший брат.

Прошло время, и Дмитрий Михайлович попал в больницу. Когда я была у него, заметила, что он начал все путать и забывать, и поняла, что это деменция.

Залесский, чтобы растения медленнее росли, всех их (или почти всех) держал в горшках и кадках. Это ограничивало их рост. Нам он запрещал даже включать музыку в оранжерее, так как был глубоко убежден, что музыка ускоряет рост растений. Такого развития событий он хотел избежать. А еще время от времени, дабы повысить наш культурный уровень, Дмитрий Михайлович начинал с нами разговаривать по-французски. Мы отшучивались: мол, ничего не понимаем! В школе учили английский язык! А когда он приходил и видел, что мы руки держим в карманах, то спрашивал: «А почему это вы в нерабочем состоянии?»

Самые любимые растения у Дмитрия Михайловича были, конечно, сенполии, потом кактусы и фикусы.

Только мне Дмитрий Михайлович разрешал рисовать растения (никому другому не разрешал!), но только тогда, когда все-все дела были сделаны. А еще я иногда забиралась высоко на стремянку в оранжерее с монстерой и там готовилась к занятиям — вечером-то лекции. Мы много работали вместе с Залесским. Мне нравилось работать с ним, а ему — со мной. Он очень много всего рассказывал, но, к сожалению, не все задержалось в памяти.

Вместе с Залесским в Ботаническом саду работала Людмила Дмитриевна Шматок. Я ее помню уже весьма пожилой женщиной, но она и тогда была очень симпатичной. И главное, растения у нее были всегда в полном порядке. Это восхищало.

А еще, вспоминая детство, помогала вести занятия по цветоводству во Дворце пионеров и даже грамоту получила за это.

Было большое братство Ботанического сада молодых увлеченных людей. Работали «с огоньком», много, причем везде: и в закрытом грунте, и в открытом.

Казалось бы, директор сада Л. Е. Водолазский был анатомом растений, это немного другая часть ботаники, но Ботанический сад он любил. Изучил, как сделать правильно альпийские горки, сам таскал камни, сделал ручей, который до сих пор журчит в саду.

Тогда Ботанический сад отапливался своей собственной котельной. И нередко истопниками работали весьма интересные люди: художники, поэты, переводчик. Помню художника Александра Гармаева (1948–2008).

Вообще-то кочегарка работала на газе, но как воспоминание о прошлом здесь находились и угольный котел, и уголь. Так, на всякий случай: вдруг что случится с отоплением? Иногда приезжали люди из «первого отдела», всех из кочегарки выгоняли и сжигали в угольном котле какие-то документы.

Зима 1986–1987 годов была очень холодной. Помню, в какой-то день марта — минус 46 градусов! Да, была своя котельная, да, ее топили, но она не справлялась, не хватало тепла, совсем не хватало. И пришлось устроить дежурство в саду и поочередно там жить. И спали там, и еду готовили. Например, Наталья Златогурская даже пекла блины.

Страшно было за растения — результат многих десятилетий сбора коллекций мог исчезнуть в одночасье. В оранжереях дополнительно к центральному отоплению еще топили буржуйки какими-то поленьями. Стресс был у всех.

Под Восьмое марта было очень холодно, позвонила моя приятельница и говорит, что приезжает человек из Италии, кто-то из родителей — русский, и он очень хочет попасть к вам в Ботанический сад. Ох, а у нас-то там — катаклизм. Ну ладно, пока с ним ехали, я ему объяснила, что сейчас в Ботаническом саду коллапс.

Приходим в сад, и вдруг выходит Володя Колупаев — совсем по-домашнему, полуодетый — и зубы чистит. Он ночевал в саду, топил ночью буржуйки, которые располагались в оранжереях. Потом сидели, чай пили, все было нормально. Человек из Италии не испугался, сидел, слушал русскую речь.

Уже уезжая, наш итальянец говорит: «Приезжайте к нам в Рим, я вам много чего покажу». Но тогда-то не выпускали просто так за рубеж, все перепроверялись. А Колупаев сказал: «А вот захотим и не приедем!» Все засмеялись, а итальянец так ничего и не понял.

Хотя это сейчас весело вспоминать, но ситуация-то была страшная: растения были в опасности, все сплотились, все раздоры ушли на задний план, и мы смогли этому противостоять. Вот это и было настоящее братство, сплоченная команда, возглавляемая Л. Е. Водолазским. Позже Леонид Евгеньевич Водолазский учился в Духовной семинарии и благополучно ее окончил.

В 1990-х годах началось бурное развитие флористики — искусства создания композиций из засушенных растений и природных материалов. Стали проводиться всевозможные конкурсы по флористике — сначала в СССР, потом в России. На первых порах это были всевозможные конкурсы и выставки, потом все это объединили в чемпионат России по флористике. Я участвовала в некоторых из них и получала награды (Киев, 1988, 1990), была в жюри около 80 различных чемпионатов и конкурсов. Даже удивительно, как много успела! Немало занималась оформлением интерьеров живыми и искусственными цветами, и университет тоже озеленяли.

Одно из сильных воспоминаний — создание букета для королевы Великобритании Елизаветы II. Она посетила Санкт-Петербург осенью 1994 года. Приехал помощник, рассказал, какого цвета будет у королевы наряд, и объяснил, букет должен быть сделан именно под этот цвет. Очень волновалась, рано встала, поехала на рынок за цветами — нужны-то были особые. Когда приехали забирать букет, то ахнули — так он всем понравился.

Потом увлеклась ленд-артом и парк-артом. Ленд-арт — направление в искусстве, в котором создаваемый художником объект неразрывно связан с окружающим ландшафтом. Выполняются объекты из природных материалов, которые сами по себе и являются частью окружающей среды. В отличие от парк-арта, в котором необязательны материалы природного происхождения, объект может быть совершенно самостоятельным и экспонироваться как картина в музее. Этим и увлечена по сегодняшний день — создаю объекты, участвую в выставках.

Алла Евгеньевна Соколова

Основатель и руководитель международной школы флористов-дизайнеров
Планта-А. Флористическое сопровождение художественных картин:
«Русский ковчег» [режиссер Александр Сокуров, 2002], «Матильда»
[режиссер Алексей Учитель, 2017]

О себе

Родилась на улице Пестеля в Ленинграде, ходила гулять в Летний сад, училась в 70-й школе. Еще будучи школьницей, с друзьями часто гуляла по Петроградской стороне. Мы заходили в разные парадные (много тогда их красивых сохранилось!), смотрели на интерьер, витражи и у дверей квартир нередко видели медные таблички с замысловатыми немецкими фамилиями и надписью: «садовник». Рядом-то располагался Ботанический сад Академии наук. Это всегда было любопытно: надо же, профессия — садовник!

Интерес к растениям у меня был с детства. Может быть, из-за того, что близко был расположен Ботанический сад, а может, что-то другое повлияло. Так что выбор учебного заведения после окончания школы был абсолютно ясен. В 1966 году я поступила в Ленинградский государственный университет на биологический факультет.

И вот уже я — рядом с кафедрой ботаники, и тут же — удивительное дело! — университетский Ботанический сад. Он меня притягивал очень сильно, и, учась на третьем курсе, я решила туда пойти. Там и познакомилась с Дмитрием Михайловичем Залесским — его директором. Он очень обстоятельно поговорил со мной и дал мне первое задание: разобрать лианы в оранжерее. Они росли вдоль стены, и надо было сначала их распутать, разбраться в хитросплетениях, обработать, а затем снова вернуть на опору. И при этом аккуратно закрутить вправо — все лианы закручиваются вправо. Утром пришла, взглянула на них, а они подвяли... Это было горе, мое первое горе в Ботаническом саду.

На кафедре ботаники моим научным руководителем стала Вероника Казимировна Василевская (1912–1982) — доктор биологических наук, профессор, известный специалист по анатомии растений. Мой диплом «Анатомические и морфологические особенности строения осевых органов *Digitalis purpurea* L.» (наперстянка пурпурная) я успешно защитила в 1971 году.

Раньше после окончания университета было распределение студентов на то или иное место работы. Это означало, что выпускник должен был отработать не менее трех лет там, куда его отправят. Так вот, когда я была

еще на третьем курсе, Залесский написал служебную записку в деканат, что по окончании университета он берет на работу в Ботанический сад Соколову Аллу Евгеньевну, потому что она много знает и проявила значительный интерес к работе во вверенном ему учреждении. Это было так приятно!

О Ботаническом саде

Итак, меня зачислили младшим научным сотрудником в Ботанический сад. Причем ставка научного сотрудника появилась только благодаря усилиям Дмитрия Михайловича, до этого момента такой должности в саду не существовало, были только лаборанты да садовые рабочие. Однако моя должность предполагала наряду с научной работой еще и полный набор обязанностей и лаборанта, и садового рабочего. А еще — ведение экскурсий и летней практики студентов по ботанике в Петергофе. Это только так красиво звучало: научный сотрудник! Однако я ничуть не переживала, к тому же и сама видела, что Дмитрий Михайлович не чурался никакой работы, выполняя любую, которая была необходима на тот момент. Любую! Когда надо было — работал и в оранжереях, и в открытом грунте.

Залесский купил для меня (еще бы — первый научный сотрудник в саду!) очень хороший дорогой микроскоп с фотоприставкой, бинокляр, а еще выделил отдельный кабинет. Я, конечно, до этого работала с похожей техникой — все-таки мой диплом был по анатомии растений, — но эта техника производства ЛОМО была на уровень выше, чем та, которая находилась в это время на кафедре ботаники! Какое это было счастье — сиди и работай. Уходить вечером из сада совсем не хотелось. Я всегда очень любила свою работу, поэтому и декретный отпуск был у меня краткосрочным — всего полгода, так я торопилась к своим растениям...

О Дмитрие Михайловиче Залесском

Какие растения любил Дмитрий Михайлович? Да все, но особой любовью пользовались три группы: прежде всего сенполии (узамбарские, или африканские, фиалки), потом кактусы и суккуленты, после них — фикусы. Фикусов было очень много, причем разных. Он их собирал, определял, доращивал. В какой-то момент растений стало около 60 видов, это очень много. Потом их число увеличилось до 200. Но беда с фикусами в том, что в оранжереях они редко цветут. Могут даже и расти неплохо, но не цветут.

Для коллекции очень важно, чтобы растения были определены. И определены правильно. Часть фикусов были определены до вида, часть определены

с вопросительным знаком (то есть полной уверенности в этом определении не было), некоторые вовсе не определены. Как известно, в основном определение идет по цветкам, но в этом случае мы их не видели. Более того, у сеянцев фикусов развивались ювенильные формы, это такие «детские» формы с «детскими» листьями, и чтобы перейти во взрослую форму, фикусы должны расти весьма продолжительное время. Иногда годы. Но если взять черенок от этой самой ювенильной формы («ребенка»), то этот черенок никогда не станет взрослым — сколько бы он ни рос, он всегда останется «ребенком». И это тоже была проблема при определении видов рода фикус.

И вот у Дмитрия Михайловича родился в голове план: попробовать найти какие-то вегетативные и морфологические признаки, по которым можно было бы точно определить вид. Такая задача и была поставлена передо мной. Это, конечно, непростая работа, но очень увлекательная. Я рассматривала эпидерму листа (его покровную ткань), делала разнообразные срезы, в которых можно было бы рассмотреть структуру листа под микроскопом или под биноклем. (Эта тема и должна была стать основой моей будущей кандидатской диссертации. Я успешно сдала экзамены в аспирантуру кафедры ботаники. Моим научным руководителем стала опять В. К. Василевская.) Открытия следовали одно за другим. Оказалось, что фикус бенгальский внешне очень похож на обычный наш фикус эластичный (он хорошо всем известен по горшечной культуре, его часто культивируют в домашних условиях). Эти два вида непросто отличить один от другого. Но это только внешне. Срезы листьев показали, что отличий достаточно: разное опушение, количество гидатод (это водяные железки на листьях, где накапливается, а затем и выделяется вода). Вообще, я обращала внимание на множество признаков растений именно в вегетативном состоянии (цветков-то мы не имели): опушение, гидатоды, устьица (какой формы и где располагались), млечники (расположение и формы), накопление разнообразных кристаллов. Я делала спектрограммы млечного сока разных видов фикусов на кафедре ФБР (физиологии и биохимии растений). Было очень интересно.

Я совершенно не любила парафиновую проводку (это такой процесс, в результате которого можно сделать срезы объектов, которые можно рассматривать под микроскопом, для этого надо провести эти части листа последовательно через разные вещества и в самом конце залить горячим парафином, и этот процесс — довольно длительный). И вот поэтому договорилась со своим приятелем, который работал в Первом медицинском институте на кафедре патанатомии, у него там был замораживающий микротом (когда объект замораживают при низких температурах с помощью жидкого азота, и его можно сразу резать). Это было здорово, такой микротом давал сразу серию срезов. Просто наслаждение!

Часть видов фикусов — листопадные, другие — вечнозеленые, часть — полулистопадные, то есть когда опадает только часть листьев. При подготовке к сбрасыванию листьев происходит образование отделительного слоя между собственно листом и остальной частью растения. За развитием этого процесса было очень интересно наблюдать. Этим заинтересовалась и В. К. Василевская, которая занималась преадаптациями в появлении листопадности. Преадаптация — это свойство или приспособление организма, потенциально имеющее приспособительную ценность. Так, листопадность появилась еще у тропических растений, но, как мы знаем, широко реализовалась в наших умеренных широтах с резко сезонным климатом. Мы стали работать над этой темой.

Что касается сенполий (узамбарских фиалок), то все вокруг знали об особой любви Д. М. Залесского к ним. Именно для его любимых сенполий в котельной целые сутки пропаривалась земля в специальном баке. Эти нежные растения подвержены разным вредителям, нематодам например, поэтому и земля для них готовилась с особой тщательностью. Но иногда и другим растениям тоже такая земля доставалась.

Дмитрий Михайлович считал, что его сенполиям полезнее быть не под естественным светом, а при искусственном освещении. Так они и лучше себя чувствуют, и дольше цветут — до 11 месяцев в году! Удивительное растение! Поэтому горшки с ними стояли в комнате на стеллажах, в поддонах, а в поддонах лежали сетки. Поливать можно было исключительно в поддон. Этим было обеспечено их идеальное культивирование. Залесскому удалось создать уникальную коллекцию: не только сортов (что, в общем, не так уж удивительно), но и диких видов сенполий, а это ценный материал для создания новых сортов. Он первым в Советском Союзе стал заниматься селекцией сенполий. Им были выведены несколько сортов. Наш директор был членом американского общества любителей сенполий (African Violet Society of America). Это было высокое звание. Вообще, жаль, конечно, что Залесский не оставил никакого руководства по уходу за комнатными растениями. Только книгу о его любимых сенполиях («Сенполии: их дикорастущие виды и вопросы культуры». — Л. : Изд-во ЛГУ, 1983. — 144 с.). Горшечная культура вообще очень сложна, тем более в наших северных широтах.

К кактусам он тоже очень нежно относился. Причем много кактусов сохранилось с довоенных времен. Во время ВОВ они были временно переданы в госпиталь (потом возвращены) на Менделеевской линии, 3, который находился в здании нынешнего НИИ акушерства, гинекологии и репродуктологии им. Д. О. Отта. В Ботаническом саду была огромная коллекция кактусов — около 400 видов, это пятая часть всех кактусов мира.

Дмитрий Михайлович был категорически против посадок растений в оранжереях в грунт, считая, что посадка в грунт рано или поздно погубит растение! Особенно неотвратима такая довольно быстрая смерть для пальм: высадка из кадки в грунт, быстрый рост — до крыши оранжереи! — и неминуемая вырубка растения. Мнение Залесского: только в кадках можно выращивать растения продолжительное время. Такая точка зрения нашего директора кардинально отличалась от мнения Николая Арнаутова — в то время заведующего оранжереей Ботанического сада Академии наук в Ленинграде.

«Лебединой песней» Дмитрия Михайловича было строительство большой пальмовой оранжереи. До сих пор удивляюсь: как он смог добиться, чтобы в 1974 году такая огромная оранжерея была построена? И где? В Ленинграде, где никогда не было опыта строительства такого рода сооружений! Тогда в качестве пристройки к этой оранжерее появилась и моя родная — водная оранжерея.

И тут Залесский дал мне карт-бланш — заселение ее растениями. А вот какими растениями — это было полностью мое решение. Из Главного ботанического сада (Москва) мной было привезено много уникальных растений для водной оранжереи. В наш Ботанический сад приходило также много декретусов (это списки семян, предлагаемых к обмену разными ботаническими садами). Вообще, издание ботаническим садом каталога семян, которыми он может поделиться, это такое обычное явление, особый уровень его развития, доказательство, что растения себя чувствуют хорошо, что при культивировании они цветут и образуют семена. Наш Ботанический сад тогда тоже издавал такие каталоги (как и до революции 1917 года!). И мы посылали семена, и нам присылали. Даже приходили семена водных растений в пробирке с водой. Удивительно, но доходили вполне жизнеспособные семена! Так вот, по этим спискам я заказывала много разных семян из всех ботанических садов Европы, проращивала их, потом растения росли, развивались. Так наполнялась наша водная оранжерея. Зная мое увлечение, ботаники из Ботанического института, любители-аквариумисты охотно делились со мной растениями. Залесский не вмешивался в это. И мне кажется, что я его не подвела.

Я вышла с кафедры ботаники уже вполне знающим человеком — учили-то нас хорошо. Так и сложилось удивительным образом, что не только Дмитрий Михайлович меня учил, но и я его чему-то учила. Это было некоторым образом соревнование: то я узнавала что-то новое и ему рассказывала, то он узнавал что-то новое и тогда рассказывал мне. Вообще, наука в то время в Ботаническом саду развивалась. Д. М. Залесский хотел сделать из Ботанического сада маленький научно-исследовательский институт. Поэтому и стал «пробивать» ставки научных сотрудников.

Залесский — последователь немецкой школы садоводства. До революции лучшие садоводы были немцы или те, кто учились в садовых школах в Германии. Вот кто его учил — не знаю, он никогда не рассказывал. Но он обладал обширными сведениями о составе земли для растений, и их надо было держать постоянно в голове. Одних только типов земли было немало: для разных растений должна быть разная земля. Сейчас это искусство почти забыто. Так, дерновая земля, вересковая земля, листовая земля, гравий, песок, глина, хвойная земля — это «кислятина» (то есть имеющая кислую реакцию), это для араукарий. А вообще мы заготавливали разную землю. Бункеры для нее находились в подвале кафедры ботаники — их там несколько, они сразу были задуманы для хранения земли.

Самая пушистая земля — питательная, с множеством микроэлементов — это листовая, особенно она хороша из березового леса. При пересадке растений сначала надо было сделать роспись земли — практически как рецепт салата или любого другого блюда. И это надо было держать в голове: сколько какой земли необходимо для того или иного растения. В землю также добавлялся уголь, его готовил сам Залесский в котельной или привозил из кострищ. Очень трепетно относился Дмитрий Михайлович и к коре для орхидей. Кора непременно должна быть дубовая, ее пропаривали в бочке в котельной. Там же, в котельной, всегда лежал уголь на случай неожиданного падения температуры воздуха. Тогда следовало начать протапливание. Тропические растения такие нежные!

Дмитрий Михайлович считал, что плохо, что при культивировании растений перешли на использование пластиковых горшков. Глиняные горшки лучше, естественная пористость глины — это хорошо, в порах накапливается вода, и если даже земляной ком пересыхает, то растения не погибают, они используют остаточную влагу из пор. У пластика такого свойства нет. А еще для растений плохо, что черный пластик летом сильно нагревается.

Была система кураторов оранжерей, то есть отдельных групп растений. Это обычная система всех ботанических садов. Я была куратором водной оранжереи (и все водные растения были под моей опекой), Н. М. Корякина — суккулентов и кактусов, В. И. Симачев — открытого грунта, Л. Д. Шматов — декоративного участка. Все кураторы — с высшим ботаническим образованием, они сами решали, каков будет состав растений в их оранжереях. Да, ответственность была большая! А еще кураторы должны были составлять (и составляли) инвентаризационные списки культивируемых растений. Сдавали их потом Д. М. Залесскому. Жаль, что они пропали...

Одно время много беспокойства доставляло Ботаническому саду соседство с вивариумом. Сохранилось письмо Залесского 1950-х годов с просьбой,

чтобы козы и кролики не бродили по Ботаническому саду — растения при этом сильно страдают.

Раз в неделю растения опрыскивались ядами (карбофосом, актеликом и др.), иногда окуривали табаком, благо что табачная фабрика им. Урицкого была рядом, на Васильевском острове.

Я брала пример с Залесского — он не пользовался ни перчатками, ни респиратором. Иногда, опрыскивая, зажимала нос пальцами, Дмитрий Михайлович это видел и передразнивал меня, говорил: «Ишь, фифа какая пошла!» Пальцем грозил, а глаза за очками смеялись.

Как-то я увидела белокрылку (вредное насекомое, наносящее большой урон в оранжереях), нагло сидящую на листьях (именно так мне и показалось: нагло!), развела карбофос, опрыскала, белокрылка упала. Я была в восторге, смыла ее из шланга и счастливая пошла домой. А ночью поднялась температура, стали болеть суставы, еле-еле двигалась, позже, но все-таки пришла на работу на негнущихся ногах, чтобы осмотреть оранжерею. И каково было мое удивление: белокрылка сидела на месте! Откуда у меня взялись силы? Тут же поехала на фабрику Урицкого, купила много табачной пыли, каких-то бракованных папирос, привезла в оранжерею, запалила, все было в дыму, белокрылка упала, смыла водой из шланга. А на следующее утро насекомое опять нагло сидело на том же месте... Вот ведь горе какое!

Пробовала и биологические методы борьбы. Некоторое время у меня жили клещи фитоселиусы (*Phytoselius persimilis*). Микроскопические, но прожорливые, они — активные хищники, которые питаются растительноядными клещами, живущими в оранжереях и наносящими огромный вред растениям. В сутки могут съедать до 20 паутиных клещей. Такая вот происходит «зачистка» территории! Сейчас этот биологический метод борьбы активно используется во многих тепличных и оранжерейных хозяйствах. Но в то время у нас, к сожалению, это не пошло. Невозможно было создать благоприятные условия жизни для клещей: постоянную температуру и влажность. Увы...

Что касается пересадки растений при Залесском. Дмитрий Михайлович передавал много знаний, как пересаживать растения, как утрамбовывать землю. Это надо было делать специальной эбонитовой палочкой, на стеллажах с растениями насыпался чистый речной песок (обязательно пропаренный!), и его сильно уплотняли тоже специальным приспособлением — «хлопушкой» (доска с ручкой). И пересаживать растения нельзя было в перчатках — только голыми руками. Наш директор считал, что надо чувствовать корни руками, аккуратно их завернуть по часовой стрелке перед укладкой в горшок. И только без перчаток можно было подсыпать в горшок приготовленную по рецепту землю.

Залесский подвязывал растения в оранжерее исключительно лыком. Эта была такая традиция — еще дореволюционная. Покупали много мочалок из лыка, расплетали и использовали для подвязки.

Лучший дренаж для горшечных растений, по мнению Залесского, — черепки из фарфоровых чашек и битых глиняных горшков. Нельзя было выкинуть ни одну разбившуюся чашку! У нас было целое ведро этих битых черепков. Когда я о таком дренаже впервые узнала, то пришла домой и торжественно разбила две фарфоровые чашки с небольшими трещинами. Все пошло на пользу растениям!

Во время моей работы в Ботаническом саду в водной оранжерее жили аквариумные рыбки, но звездой среди них была рыбка Вася — хемихромис из семейства Цихлидовых. Стоило наклониться над поверхностью воды, как Вася выскакивал из воды и «целовал» наклонившегося в губы. Это была старая традиция нашего Ботанического сада — содержать рыбок в оранжерее. И у меня накопились знания по аквариумистике. Я даже проводила занятия в обществе «Знание» о рыбках и аквариумных растениях в ДК имени Ленсовета. Платили где-то четыре с половиной рубля.

Дмитрий Михайлович негативно относился к женщинам. И не то что он разделял их по гендерному признаку. Скорее, его беспокоило то, что у женщин была какая-то иная жизнь вне стен сада. Сам же Залесский уходил домой в 23:00–23:30. Все, конечно, покидали рабочие места раньше. Когда я уже вечером направлялась к выходу, спрашивал с укоряющим взглядом: «А куда это ты пошла?» Мой, как ему казалось, «ранний» уход был ему неприятен. И сразу чувствовала себя виноватой: я ухожу, а растения остаются, сад остается... Отсюда — и негатив. Не поощрялись профсоюзные (да и никакие другие!) собрания. Как же! Это потеря времени... В какой-то момент развития Ботанического сада научные сотрудники «выросли», их знания обогатились, и Дмитрий Михайлович почувствовал, что он уже — не самый знающий человек в саду. Это его задевало. На самом деле каждый из научных сотрудников знал свою часть, свою оранжерею, но все равно всех объединял именно Залесский. Он, например, испытывал муки ревности, поскольку я создала самую большую коллекцию водных и околоводных растений, даже богаче, чем в большой викторной оранжерее (викторная [водная] оранжерея в Ботаническом саду БИН РАН, где собраны водные растения, в том числе и виктория амазонская, по имени которой и называется оранжерея. — *Примеч. авт.*).

Залесский рассказывал, что кусты коки (кокаиновые кусты) пережили войну, а ведь они очень нежные. Во время войны топили только первую оранжерею, даже брали на сохранение растения из Большого ботанического сада (БИН АН) — он больше пострадал во время ВОВ. После войны эти растения

туда вернули. Под стеллажами в оранжерее были кирпичные печки (наверное, дореволюционные), они и топились углем, что было очень удобно. Печки были разобраны в 1980-е годы.

В Ботаническом саду был свой собственный музей со стендами, стеллажами. Там хранились семена в пробирках и пакетиках, спилы растений, плоды, части растений. Тут же находились и стеклянные фотопластинки, на которых были изображены кактусы. Те самые, что принадлежали В. М. Дьяконову (1898–1942) — экономисту по профессии, отдавшему безраздельно весь досуг своему неизменному увлечению кактусам. Дьяконов провел определение и обработку кактусов в университетской оранжерее, выполнил аналогичную, но более объемную работу в Ботаническом саду БИН АН СССР, Никитском ботаническом саду. Для Азербайджанского университета составил систематическую коллекцию фотографических снимков кактусовых с кратким пояснительным текстом к ним.

В 1953 году Д. М. Залесский взял на себя большой и благодарный труд: подготовил к печати и опубликовал совместную работу В. М. Дьяконова и Н. И. Курнакова «Кактусы и их культура в комнатных условиях», вобравшую в себя результаты их многолетнего труда и предназначенную для всех любителей кактусов. Впервые работа была опубликована в трудах Ботанического института Азербайджанского филиала АН СССР еще в 1938 году и оставалась малодоступной для большей части любителей кактусов.

Позже, в 1980-е годы, когда директором университетского Ботанического сад стал Л. Е. Водолазский, стенды разобрали, музей был уничтожен...

Как-то Дмитрий Михайлович дал из музея семь семян лотоса 1952 года сбора. Ни он, ни я не знали, как лучше поступить, какие действия совершить над этими семенами, чтобы добиться их прорастания. Все-таки они давно хранились... Решили поступить разнообразно: одно семя обрабатывали кислотой, другое ошпаривали, третье подпиливали. А потом с интересом смотрели, какое из них прорастет. Проросли два семени. Долго развивались, крепили, но, к нашему величайшему сожалению, к концу лета не зацвели, и их пришлось убрать на зимовку. И это была на самом деле большая проблема: вынимать или не вынимать корневища из ящика? К счастью, было принято правильное решение: из ящичков их не вынули, подумали, что корневища очень нежные и могут повредиться. Весной вернули с зимовки, перенесли в водную оранжерею и — о чудо! — летом лотос зацвел. Это было счастье! Полное! Потом получили по обмену среди ботанических садов желтый лотос (его родина — Калифорния, семена были получены по международному обмену). Так у нас с 1970-х годов росли оба лотоса и цвели каждое лето: розовый и желтый. В 2000-х лотосы, к сожалению, погибли.

Время от времени в Ботанический сад приходил бондарь — специалист по изготовлению бочек. Была такая должность. За «тали» — специальные зацепки (крюки или колесики) поднимали большое растение в кадке, потом кадку сбивали, ком оставался, а бондарь сколачивал новую кадку, внутри ее обжигали, чтобы она дольше служила. И растение опускали уже в новую кадку. А как иначе такое большое растение можно было пересадить? Раньше кадки были дубовые, потом липовые.

Д. М. Залесский взял в 1970 году на работу в открытый грунт Валеру Симачева — в надежде привести эту часть сада в порядок, и он довольно долго там проработал. Валерий Иванович стал вторым научным сотрудником в нашем Ботаническом саду. Потом, уже после ухода Залесского, когда был директором Л. Е. Водолазский, случилась большая утрата для Ботанического сада.

В то время существовал большой систематический участок (между оранжереями и бывшим химическим факультетом). Здесь были посажены растения по систематическому признаку — те, по которым можно было проследить систему растительного мира, и те, которые использовались в учебном процессе. Грядки были обложены кирпичом несколько выше общего уровня земли. Это было еще сделано с самого начала существования Ботанического сада. А Симачев решил разобрать эти кирпичные ограждения и сравнить «квадраты» до общего уровня земли. Как показало будущее, это было ужасной ошибкой. Систематический участок сада перестал существовать.

С другой стороны, В. И. Симачев создал участок редких и охраняемых растений флоры Северо-Запада. Это было очень интересно. Но у Валерия Ивановича была большая беда. Стоило только посадить растения в грунт, тут же налетали вороны и начинали безобразничать. Боролся он с ними весьма своеобразно — и стрелял, и развешивал дохлых птиц на деревьях, стремясь напугать живых. Когда-то вороны пугались, а когда-то — и не очень.

В пруду Ботанического сада всегда жили тритоны. А зимовать они приходили в оранжереи, где они ловили всякую беспозвоночную «нечисть», которая иногда доставляла хлопоты работникам.

Когда в Ленинградском зоопарке в 1994 году произошел пожар, пострадала и коллекция амфибий. Мне позвонили из зоопарка и попросили приютить некоторых амфибий, которые остались в живых. Я их забрала, ездила покупать им трубочник на Кондратьевский рынок. В водной оранжерее они блаженствовали, но случилось горе: сбежала большая жаба ага. Я позвонила в зоопарк, покаялась. Они меня успокоили: ничего страшного, она где-то проживет, еду найдет. А через некоторое время жаба нашлась. В зоопарке сказали, что у них уже жаба ага есть, второй им не надо. Что было делать?

Позвонила своему приятелю в Сочи: жабу агу хочешь? Так жаба ага из зоопарка отправилась самолетом в Сочи.

Один год директором Ботанического сада был Максим Павлович Баранов (доцент кафедры ботаники, кандидат биологических наук. — *Примеч. авт.*), да и то чисто номинально. Залесский уже болел, но ему была неприятна мысль, что после него придет Леонид Евгеньевич Водолазский. Дмитрию Михайловичу казалось, что тот не любит растения. Так и случилось: Водолазский был анатомом растений и занимался изучением опухолей на иван-чае. Вот это ему было интересно. Растения, их культура в целом его не привлекали. Растения не знал, не понимал и не хотел ничего об этом слышать.

Не помню уже, в какой период в Ботаническом саду захоронили ящики с радиоактивными отходами. С 1960-х годов работал циклотрон в университете, отходы от него как раз и захоранивали на территории нашего сада. Конечно, мы ничего об этом не знали. Когда я пришла в 1966 году, они уже там были.

После чернобыльской катастрофы в 1986 году над Ленинградом летал вертолет и сканировал территорию. Тут-то наш Ботанический сад и «защелкал»... Приехали военные, снесли ограду, ящики выкопали и увезли.

О Николае Зайкове

Николай Зайков (сын Л. Н. Зайкова — секретаря ЦК КПСС), один из руководителей НПО «Ленинец» в Ленинграде, очень любил природу. И особенно — аквариумных рыбок и растения. К этому он и тянулся, этим он и занимался в свободное время. Мечтал построить оранжерею в одном из цехов «Ленинца», но не успел реализовать эту идею. Я помогала ему в этом, сделала эскиз будущей оранжереи, обозначила ее внутреннее устройство.

Однажды он принес в банке сомиков, они были лишние, и он решил их подарить водной оранжерее. Был рад, что его дар принят, он считал себя за это обязанным и спросил, чем он может отблагодарить? Странно сейчас это вспоминать, но я ответила, что была бы рада получить — хоть через обком партии — навоз для Ботанического сада. Забавно, правда? Мне тогда казалось, что мечта эта была почти недостижима, практически фантастична. Но это чудо произошло! Потом он еще передавал мне форсунки (их было не достать нигде), чтобы проводить аэрацию воды. Насыщение воды кислородом в этом случае улучшало рост и развитие растений.

Тогда мало что можно было купить в магазинах. Для лучшего освещения доставали лампы то ли из коровников, то ли из свинарников. Они были очень мощные и позволяли проводить досвечивание растений, что им тоже шло на пользу в нашем климате при коротких днях.

В 1990 году при университете было создано малое предприятие «Унихортус» (UNI HORTUS). Инициаторы развития коммерческого направления — Наталия Корякина и Александр Халлинг, директором стала Валентина Николаевна Никитина. На самом деле это было неплохо, это была попытка выжить и сохранить сад. Да, продавались излишки растений, а приобретались очень нужные вещи для Ботанического сада. Появилось очень много связей, особенно с Прибалтикой. Например, прямо с поезда получали много-много маленьких папоротников, мы их дорастивали до нормальных размеров и продавали.

В то время в Ботаническом саду работала Ирина Александровна Патрикеева (Маулини) — куратор споровых растений, она особенно любила папоротники. У нее были прекрасно выращенные папоротники: большие, красивые и многочисленные. Она разработала методику посева папоротников спорами: сначала появление заростков, потом спорофитов, довольно быстро папоротники в оранжерее росли.

А в 1980-х годах в водной оранжерее даже снимали фильм о Ботаническом саде киношники из Лос-Анджелеса — мы же были с этим городом побратимами. (Интересно, где сейчас этот фильм?..)

Расскажу об еще одной интересной работе, которой пришлось заниматься. Был у нас хоздоговор между Ботаническим садом и АЭС в Сосновом Бору. Надо было оценить: изменяются или нет растения в водоемах-охладителях в зоне влияния атомной станции? Делали много срезов водных растений, которые росли в зоне влияния АЭС, оценивали изменения в их анатомической структуре. Да, определенные изменения у них наблюдались (увеличение размера листьев и толщины стеблей) при сравнении с контрольной группой — то есть с теми растениями, которые не испытывали влияния атомной станции.

Леня Аверьянов (Л. В. Аверьянов — ныне президент Русского ботанического общества, доктор биологических наук, профессор. — *Примеч. авт.*) привозил мне орхидеи из Вьетнама маленькими черенками или целиком растениями. Черенки дорастали у меня в оранжерее и прекрасно цвели. Он также впервые привез мне три каладиума. Это были первые каладиумы этого вида в нашей стране (каладиум — род тропических растений из семейства Ароидных, произрастающих в тропической Америке. — *Примеч. авт.*). Больше ни у кого их не было, редчайшие растения! Но как их размножить? Спасибо Люде Лутовой (Л. А. Лутова — ныне доктор биологических наук, профессор кафедры генетики СПбГУ. — *Примеч. авт.*), потом удалось их размножить.

Сначала я была младшим научным сотрудником, потом — научным сотрудником и наконец — заведующей всеми оранжереями. Стала заниматься инвентаризацией оранжерей. Не всегда растения были правильно

определены, да и вообще не всегда определены. Это была большая работа, но очень приятная и интересная.

Около железнодорожной станции Удельная находилось огромное хозяйство с большими оранжереями. Оно занималось внедрением новых тропических и субтропических растений в культуру, в том числе и орхидей. Там знали, что специалистов надо искать в Ботаническом саду университета. Я их консультировала.

Вот так в Ботаническом саду университета прошла значительная часть моей жизни. Воспоминания остались разные: и радостные, и горькие. Но это жизнь. Так бывает...

СОДЕРЖАНИЕ

Дмитрий Васильевич Громыко.....	4
Анджей Анджеевич Иконников-Галицкий.....	7
Лариса Ивановна Климентова	14
Наталья Максовна Корякина	16
Алла Евгеньевна Соколова	23

Ботанический сад СПбГУ. Вехи истории. Продолжение ВОСПОМИНАНИЯ

В. А. Бубырева, Е. А. Ростовцев

В оформлении обложки использованы
фотографии И. В. Чарина

Корректор — С. В. Васильева

Подготовка оригинал-макета — Е. Ю. Абдушукурова
+7 (921) 756-03-16, abd_lena@mail.ru
ООО «АБД дизайн»